

Е Л Е Н А Р О Н И Н А

СТЕКЛЯННЫЕ

Дети

*«Интересно, актуально,
жизненно».*

— ВЕРА СТОРОЖЕВА, РЕЖИССЁР

Близкие люди. Романы Елены Рониной

Елена Рони́на

Стеклянные дети

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ронина Е.

Стеклянные дети / Е. Ронина — «Эксмо», 2020 — (Близкие люди. Романы Елены Рониной)

ISBN 978-5-04-107928-4

Кирилл Кольцов – врач, увлеченный новаторским делом: уже много лет он занимается ЭКО, делая людей счастливыми. Его пациенты – практически герои, готовые проходить сложные, длительные процедуры, выдерживая неудачи, продолжая бороться. А он вместе с ними идет до последнего, помогая осуществить мечту, решая не только медицинские, но и этические, моральные и даже юридические вопросы. Но однажды отношение к пациентке становится слишком личным, и врачебная этика отходит на второй план.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107928-4

© Ронина Е., 2020
© Эксмо, 2020

Елена Ронина

Стеклянные дети

1

Кирилл сел в машину и с шумом захлопнул дверь. И потом громко пропел:

– Да-да-да дам!!! – И посмотрелся в зеркало.

Вот так вот. Вот! И нечего вам тут рассуждать. Это сделал он!

Кирилл нажал на кнопку, и двигатель завелся. Да, и машина у нас достойная! А почему нет? И никто ее ему не подарил. Сам заработал. Шел мелкими шагами от «Таврии» к иномарке. Господи, и как только он помещался в той «Таврии»?! С его-то ростом. Вечно в три погибели. Но ведь и не думал тогда об этом. Автомобиль! Сам заработал! И ездил, согнувшись, и глохла та «Таврия» всегда именно на трамвайных путях. И вот сегодня у него красивый комфортный внедорожник. Заслужил! Заработал денег и купил.

Да. Именно он. И он очень хороший врач. Что называется, от Бога. Кирилл опять посмотрелся в зеркало дальнего вида, насупил брови и сделал страшное лицо. Верить! Немедленно! Это он все сейчас про себя! Он вечно в себе сомневается, всегда недоволен, никогда сам себя не хвалит. Пациенты – да. Особенно, если есть результат. Тут тебе и цветы, и коньяк. А бывает и по-другому. И от него зависит не все, а в случае отрицательного результата он всегда все неудачи берет на себя. И сам говорит женщине о том, что попытка была неудачной. Очень сложно бывает прорваться к ее разуму через поток слез и объяснить, почему так произошло, и настроить ее еще на одну попытку или, наоборот, честно сказать, что лучше не пытаться или поменять врача. И такое он порой говорит. Так тоже бывает!

Но даже когда его благодарят и хочется подумать вот эту самую мысль: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!» – он не разрешает себе этого делать. Не хочет, чтобы видели его глупую улыбку, боится показаться смешным и самодовольным. Но ведь так нельзя. Человек должен хоть иногда повесить себе на лоб звезду. И, выпятив грудь, посмотреться в зеркало. Вот как сегодня! В конце концов, пятьдесят пять лет. И много чего достиг в жизни. Хорошая жена, дочь оканчивает институт. А главное – его клиника. Ведь клинику в Москве организовал! Могли подумать он, мальчишка из южного городка, который падал в обморок от вида крови, что он все же станет врачом и сбудется его мечта: он станет именно гинекологом и будет заниматься таким новаторским делом, как ЭКО, и делать людей счастливыми. Причем преуспеет так, что выстроит целую клинику. Сначала в родном городке, а потом и в Москве. И добьется прекрасных результатов.

Три года в Москве не заставили его этот город полюбить. Да и видел он столицу в основном из окна автомобиля. Доктор приходит на работу к восьми, а то и раньше, домой возвращается порой за полночь. Да, собственно, так у всех врачей. Если ты, конечно, действительно врач. И если ты даже уже дома, ужинаешь (а если честно, то запихиваешь в горло все, что под руку попадется), то все равно в голове пациенты, планы лечения, новые методики и устаревшие инструменты, которыми все равно нужно работать.

Кольцов ехал по Москве, и его сердце переполняла гордость. Это его город. Хотя москвичом он себя не считал и не называл. Дочь, наверное, говорила, что москвичка, а он – нет. Какой он москвич? Но вот о том, что у него есть своя клиника в Москве, об этом вскользь при случае упоминал.

Кирилл включил радио на всю катушку и начал подпевать бессмертному хиту Антонова:

– Мечты сбываются! И не сбываются!

Ну что поделаешь: медведь на ухо наступил, в коллективе не споешь, а здесь никто не слышит! До дома ехать полтора часа, и успешный доктор Кирилл Евгеньевич Кольцов разрешил себе вот эти самые полтора часа собой погордиться. И говорить: «Я это сделал!»

Ну, уж полтора-то часа в год может человек себе позволить быть счастливым и гордым собой?!

Совсем недавно отмечали его 55-летие. Жена просто настояла на ресторане, причем на самом шикарном в Москве.

– Значит, так. «Пушкин», Тверской бульвар, зал «Библиотека».

Майка, как всегда, просто констатировала. Кирилл отнекивался как мог:

– Ты с ума сошла, к чему?

– К тому. Круглая дата.

– Дома посидим.

– У нас того дома, где посидеть, пока нет. Все же в клинику вкладывается.

Не преминула напомнить, вздохнул про себя Кирилл. Следующим пунктом будет автомобиль. Мол, не экономит на клинике и на машине. И почему он должен экономить на машине? Машина – это жизнь. Он много работает, устает, где-то же он должен расслабляться?! Кольцов уже начал нервничать, но Майка про автомобиль напоминать не стала. Хотя на этом спасибо.

– Ну, хорошо, только давай что-нибудь поскромнее, к чему вся эта помпа?

– Еще добавь: «Что люди скажут?»

– Ну, и это, – Кирилл вздохнул еще раз. Он не любил спорить с женой. В этой борьбе он всегда проигрывал, да и не борьба это была вовсе. Он с самого начала отключался от спора. Вроде бы слушаешь, но улавливаешь только суть и сразу фильтруешь: опасно – не опасно. Если опасности для жизни нет, то пусть себе и делает, что придумала. Если вдруг чувствуешь опасность, то тут он включался полностью: просил повторить еще раз, вникал и очень доходчиво объяснял, что этого не будет никогда.

Ясное дело, прожить вместе больше тридцати лет – это много. Майка его изучила вдоль и поперек. Где-то он недавно прочитал, что жена – это приз. Какой заработал, такой и получил. Он не совсем согласился с таким тезисом. История не терпит сослагательного наклонения. Люди принимают решение о замужестве молодыми, порой глупыми. Скорее он назвал бы брак лотереей: кому как повезет. Кольцов не думал, что ему повезло стопроцентно. Бывали моменты в его жизни, когда хотелось все разрушить и начать сначала. И даже какое-то время он свято верил, что сделает это. Но не сделал, спасовал или не откликнулась вторая сторона. Сегодня он был уверен: все правильно. Именно так, как должно. Хотя Майя порой раздражала, вот как с этим «Пушкиным». Ну какой, к черту, «Пушкин»?! Он и «Пушкин». Не вяжется! Но опасности нет, значит, пусть себе.

– А я тебе не предлагаю собирать всю Москву. Татьяну с мужем и детьми пригласим, твоего зама, мы с тобой. В конце концов, десять человек мы накормить сможем в любом ресторане. Но этот день мы с тобой отметим. Эй! Ну посмотри на меня! Ты ж в итоге скажешь, что я была права! – и Майка чмокнула его в затылок и рассмеялась так, как могла только она одна. По телу разлилась теплая и приятная волна. А может, и приз?

– Делай как знаешь! – ответил Кирилл уже безо всякой безысходности в голосе. Скорее с интересом. А почему и нет? Что там у нас по этому поводу говорит старина Фрейд? Кирилл ему доверял, психоанализ помогал общаться с пациентками, которые бывали как оголенные провода.

«К несчастью, подавленные эмоции не умирают. Их заставляют замолчать. И они изнутри продолжают влиять на человека».

Правда или нет? Правда, если ты человек слабый, неуверенный в себе. Или не умеешь отпускать. Кирилл в каком-то возрасте сумел. И поверил своей жене. Как говорят в народе:

«Первая жена – от Бога, вторая – от людей, третья – от дьявола». Кирилл много раз пытался применить эту формулу к своим увлечениям. То есть ясно, что Майка как раз была от Бога.

Занявшись проблемой искусственного оплодотворения, Кирилл одновременно пришел и к Богу. А дальше? Которая из последующих его влюбленностей могла быть от людей, какая от дьявола? И Инга? Время от времени прямо-таки ужасался: а вдруг чувства к ней от дьявола?! Майка – она понятная. И предана ему. Это важно.

Праздником Кирилл Евгеньевич остался доволен. Он никогда раньше в том самом «Пушкине» не бывал, но от людей был наслышан. Гламурно, дорого, для «своих» людей. Господи, почему для «своих»? И что это вообще за выражение? Как-то от одного немецкого доктора, долго изучавшего русский язык, влюбленного в Толстого и мечтающего прочитать «Войну и мир» в подлиннике, услышал:

– А я понимаю, что это значит «наш человек» и «не наш человек».

– И что же, Карл?

– Это тот, с кем можно напиться! И не бояться, что будешь потом просыпаться в холодном поту и вспоминать, что по пьянке выболтал. Точно? – Карл победно посмотрел на Кирилла.

Кирилл тогда просто хлопнул коллегу по плечу. Это ж надо, немец! Как он уловил! Но каковы стереотипы – все равно водка, медведь и шапка-ушанка во главе угла! А водка тот ряд возглавляет.

И все же «наш» – это что-то на очень тонком душевном уровне. А вот «свои» – это кастовость. Это что-то из индийской жизни. Вот швейцар на входе, который тебе не рад, он тебя сканирует. Как раз на тему: «свой» – «не свой» и, кстати, как будет себя вести, когда напьется. Взгляд неприятный, надменный. И это вам не Германия, там тебе просто искренне рады, здесь почему-то есть чувство неловкости, и вообще начинаешь бояться: а пустят ли? Бред какой-то. И тем не менее сканирующий взгляд длится ровно две секунды, потом откуда-то появляется широкая белозубая улыбка, и за легким поклоном следует вопрос:

– А вы, наверное, юбиляр? С праздником. Для вас уже все готово. Поднимайтесь, пожалуйста, в «Библиотеку».

Именно так начался тот юбилей. Сначала подумал: «Наверное, не пустят», – и лихорадочно стал соображать, а с собой ли паспорт? С поклоном швейцара понял, что у него какие-то мании, остатки неизжитой провинциальности, которая не отпускает никого и никогда, но это не страшно. Гинеколог – он всегда немножко психолог. Застегнув пуговицу на пиджаке и расправив плечи, он по привычке немного наклонил голову, со ссылкой на рост, и шагнул в ресторан.

Дорого, сразу понятно, что дорого. Как мы продвинулись вперед в смысле дизайна интерьеров! Дорого может быть в любом стиле. И минимализм может быть очень дорогим, ну а здесь уж все само собой.

– Майка, а почему так темно?

– Не темно, а камерно. Приглушенный свет добавляет атмосферы.

– А-а, ну это да. Это согласен. А «Библиотека» – что значит? Книжки читать будем?

– Тут три основных зала: «Аптека», «Библиотека» и «Антресоль».

– Ну, нам вроде, по идее, нужно было в «Аптеку»?

– По всем идеям нам нужно было в «Библиотеку», поверь мне!

Кирилл решил больше не заикливаться на своей персоне, на том, к какому социальному слою он относится или что почувствовал швейцар при виде его. И почему, кстати, целых две секунды не включал его в список тех самых «своих». У него сегодня, в конце концов, большой праздник. Пятьдесят пять лет идет он по жизни. Немало!

Молодец Майя! Все организовала по высшему разряду. По высшему разряду для семьи, не для какого-то показа! Вот что важно. Вызвала его сестру из Феодосии, гостиницу им заказала хорошую, культурную программу продумала. И собралась за столом хорошая компания: семья и друзья, только самые близкие для него люди, без которых не состоялся бы он ни как врач, ни как человек. Татьяна приехала с сыновьями и мужем, Кольцов был безмерно рад их видеть и опять же благодарил свою Майку. И (что греха таить!) гордился, что может пригласить сестру в роскошный московский ресторан. Десяток человек, ближайшие родственники, из друзей – его зам с женой, которого, кстати, он за собой вытащил с исторической родины.

Посидели, поговорили о том, что было, как строили клинику, о семье, об успехах. Семейные тосты, правда, крутились исключительно вокруг того, что он мало времени проводит в кругу родных, совершенно не думает о себе. Мол, пора ему найти хобби. А у него работа – это хобби. Всем бы такого пожелать. Чтобы работа стала не только увлечением – всей жизнью. Сначала на все мягкие выпады родни он только улыбался и пожимал плечами, а потом все же парировал:

– Человек может состояться только в том случае, если его работа ему нравится. – Кольцов уже не помнил, где прочитал эту емкую фразу, но она врезалась в память, и с этим постулатом он был согласен полностью. – Друзья, еще Конфуций сказал: «Найди себе дело по душе, и тебе никогда больше не придется работать». Это про меня!!

– А про нас? Мы же сейчас, Кирюш, не про тебя, мы про нас, – мягко поправила жена.

– А я про себя. В конце концов – это мой праздник! – Кирилл уже слегка подвыпил и понял, что чопорность официантов и дорогое шампанское его ничуть не раздражают.

Никого его фраза не обидела, наоборот, все дружно рассмеялись. Вокруг все свои. Вон, Полине в этом году 25. Дочь уже всю строила свою жизнь, даже на празднике до конца не досидела, усвистала после какого-то непонятного телефонного разговора.

– Ну пап, я же тост сказала, мне надо! – Характером в мать – упрямая. Но то, что порой раздражало в жене, в дочери вызывало гордость. Упрямство Майи у Полины превращалось в стержень. Какое-то время ужасно переживал из-за ее роста. А что он хотел, если сам – каланча, как должна была выглядеть дочь? Но в какой-то момент понял, что Полину это ничуть не смущает. При росте в метр восемьдесят пять дочь гордо вышагивала на каблуках, не сутулилась, завязывала хвост на макушке, что делало ее еще выше. М-да, как говорится, умница-красавица. И здесь Кольцову повезло! Сегодня только о положительном!

– Зови его сюда!

– Не уверена пока... До конца не уверена... Пока еще не показал себя достойным этого праздника. Не будем гнать лошадей!

– Ну, смотри сама. – Кирилл решил не расстраиваться и не думать о том, зачем тогда с недостойным общаться? Хотя, видимо, брови и приподнялись удивленно. Иначе зачем бы Майя наступила ему на ботинок? Стало быть, не надо пока ЕГО сюда звать. Как его там? Стас, что ли? Потом разберемся.

Но когда успела так вырасти дочь? Хотя тут ему всю дорогу рассказывают, что он в семейных делах участия не принимал, поэтому и не заметил. Перед уходом дочь подошла к отцу, по привычке обхватила его сзади за шею и чмокнула в макушку. Пока он разворачивался, взгляд выхватил удаляющиеся длинные ноги, короткую юбку и раскачивающийся конский хвост. Официант с подносом успел посторониться, иначе бы Полина вполне могла снести его и не заметить. И опять Кольцов не подумал: «Какая неуклюжая», а подумал: «Стремительная! Чисто молния!»

И праздник был шикарней, и слов ему сказали много разных. А вот все равно такой гордости за себя не было, а сегодня есть. Сегодня – его день. Удачный рабочий день, когда все удалось: он помог женщине, и будет счастлива еще одна семья! И хотелось петь, и улыбаться, и дышать полной грудью. Жизнь удалась!

Кирилл уверенно вел машину и вспоминал чудесный праздник. Сегодня хотелось думать только о хорошем.

Звонок раздался неожиданно. Игорь Степанов.

– Кирилл?

– Да, Гош! Я.

– Тут такое дело. В общем, Вера умерла. Похороны завтра. Будешь?

Шок. Что значит – Вера? Почему? Неужели такое возможно? Голос старинного друга Гошки слышался как сквозь вату. На какое-то время Кирилл потерял способность слушать, соображать; потом, наконец, взял себя в руки.

– Конечно. Где, во сколько? Майка сейчас к родителям поехала, так что я один.

– Да-да. Это я, знаешь, так, вроде положено.

– Гош, да как же?.. Вроде виделись недавно... – Нужно было что-то говорить. Но что скажешь в такой ситуации? Как поддержать, как помочь?

– Кирилл, мы год назад виделись. За год и сгорела. А тогда еще и диагноза не было.

Вот так бывает. И при чем тут звезды и амбиции? Кириллу стало не по себе. От страшной новости, от того, что, оказывается, с одноклассником не виделись год. Да, не такие уж и близкие друзья. Но все же. И за этот год он ни разу не удосужился позвонить, узнать, как да что. Вера. Такая уверенная, красивая женщина. Высокая, жизнерадостная... была.

Кирилл выключил радио и до дома ехал уже в полной тишине.

2

Кирилл Евгеньевич Кольцов занимался вопросами бесплодия, а именно ЭКО. ЭКО – это экстракорпоральное оплодотворение, для тех, кто не в курсе. Если по-простому, то дети из пробирки. Смешное название придумал народ, а потом и доктора подхватили, потому что сразу понятно, о чем идет речь! Это ж надо было так обозвать обширную новаторскую тему, огромный прыжок медицины в будущее, решение проблемы многих и многих семей. Ну и пусть будут «из пробирки», если так легче! Но вот это «из пробирки» одновременно ставило штамп на всю проблему. И поначалу многие мамы скрывали, как родились их дети. Никому не рассказывали о том, откуда и что взялось, чем, естественно, вызывали множество слухов и недомолвок. И дети не знали, как их зачали родители. И не дай бог узнали бы! Тайна. Табу. Стыдно. Почему?! Это ваши собственные дети. Выношенные мамой! Клетки и мамины, и папины. Да, есть тема доноров, есть тема суррогатного материнства, каждый раз все оговаривается особо, прописывается, подписываются документы.

Сегодня все в прошлом. ЭКО – это передовое направление, буквально прорыв в лечении бесплодия. Сегодня супруги значительно проще относятся к этим вопросам. Даже не задумываются особо. Правда, некоторые и сегодня не очень-то хотели бы, чтобы близкие или знакомые знали. Некоторые из них прямо спрашивали доктора: как быть? Рассказывать или нет? Детям? Или врачам в случае, если ребенок заболел, что он из пробирки? Кирилл всегда отвечал так:

– Если человек вам не близкий, то к чему? Кричать на каждом перекрестке точно не нужно. Вопросы это интимные и сугубо личные.

Были неприятные случаи в практике доктора, когда приходила заплаканная молодая женщина и, захлебываясь слезами, рассказывала, что свекровь пытается разрушить брак, настраивает мужа против нее, мол, жена твоя даже ребенка родить не в состоянии сама! Ну что тут скажешь? И ведь не чужой человек, можно даже сказать, самый близкий.

– Детям? Когда они уже станут взрослыми, то почему бы и нет, возможно, это поможет решить их собственные проблемы. Врачам, лечащим ваших детей? Если не были задействованы донорские клетки, то совершенно ни к чему. Дети ЭКО ничем не отличаются от обыч-

ных, естественно зачатых детей, поэтому особо акцентировать внимание лечащего врача нет необходимости. Но вот если у ребенка группа крови не соответствует родительской, а ему надо переливать кровь – то тогда вы обязаны все рассказать врачу. Врачи же будут рассчитывать на кровь родителей, а она может не подойти. Так же можно травмировать ребенка, сказав, что группа не соответствует ни одному из родителей – может закрасться мысль, что кто-то из родителей не родной!

Рассказывать, не рассказывать, однако, – это уже второй вопрос. Первый вопрос – собственное ваше отношение к таким детям. Насколько этот ребенок действительно ВАШ? К сожалению, такой вопрос тоже иногда сидит в голове. И поэтому с каждой парой работает психолог. Если это дети ЭКО с собственными половыми клетками, то у пациентов не возникает даже мысли, что это ребенок не их! Но вот родители, перепробовав все возможные варианты, решаются на донорские клетки. Это серьезное решение, и, как правило, если пара на это идет, то и вопросов нет: это ИХ ребенок!

Но иногда все же спрашивают – а как я буду к нему относиться после рождения? Вопросы чаще всего задаются женщинами. И это самые сложные пациентки. Они сами не знают, чего хотят. Каждой женщине положено быть мамой, они хотят быть как все. Но хотеть «быть как все» или действительно хотеть ребенка – разные вещи. И вот, получив желаемый результат, такие мамы вдруг начинают размышлять: а зачем? Зачем мне все это? С такими пациентками приходилось долго беседовать, убеждать. Кирилл и сам себя считал неплохим психологом, но в таких случаях подключал психолога-профессионала.

Зачем психологу беседовать с парой, которая первый раз пришла в клинику на прием? Если уж начистоту, то практически все женщины в таких парах – это или истерики, или депрессанты. Они просто устали от своей проблемы, от бесконечных обследований и лечений. И сначала их просто нужно успокоить, они должны поверить, что у них и сейчас все в порядке. Они – нормальная счастливая пара, а дальше начинать лечение.

Как-то одна мама, которая родила с донорскими клетками, сказала: «Если кто скажет, что сын – не мой ребенок, убью!!! Я выносила, я родила – я мать. Посмотрите, как он похож и на меня, и на папу». И действительно, ребенок всегда похож на отца, если у него бралась сперма. И даже если вместо яйцеклетки жены брались яйцеклетки донора, то ребенок и на нее тоже будет похож! Уже в детстве ребенок подмечает мимику, тембр голоса мамы – и тем самым становится похож на нее. Ну и доктора ведь, выбирая донора, идут не только от медицинских показателей. Здесь все важно: и цвет волос, и цвет глаз. Да много чего. Это серьезная работа – подбор донора.

С донорами всегда подписывается договор. Они понимают, что в первую очередь помогают женщинам, у которых есть проблемы с получением собственных яйцеклеток. Естественно, получая за это денежное вознаграждение. То же и с суррогатной матерью – она готова помочь женщине, которая по МЕДИЦИНСКИМ показаниям не может выносить беременность. Именно это важно в суррогатном материнстве. Договор согласно нашему законодательству заключается обязательно. И тут очень много медицинских и юридических тонкостей.

Нельзя, к примеру, от одной и той же женщины брать и клетки, и чтобы она стала суррогатной матерью – запрещено законодательно! Это значит, что суррогатная мать всегда рождает чужого ребенка. Всегда! Нельзя от отца ребенка скрывать факт донорства яйцеклеток – у него такие же репродуктивные права, как и у жены.

Все доноры и суррогатные матери серьезно обследуются. И кариотип (полный набор хромосом) у них берут, и мутации генов определяют, которые могут в будущем помешать как ребенку, так и его будущему потомству. Все регламентировано законом. А как же?

И Кольцов принимал участие в создании многих положений законодательных актов. С ним советовались как со специалистом, и иногда он из-за полного несогласия шел напролом, добивался новых поправок, вставок, а иногда и полной отмены каких-то пунктов. Это же чело-

веческая жизнь. «Донор не имеет права на ребенка, который родится, суррогатная мать – всего лишь «инкубатор» для вынашивания ребенка». И важно задокументировать эти положения, которые крайне значимы с юридической точки зрения.

Как же порой мешали глупые художественные ленты, примитивные сериалы, бездарные ток-шоу, которые вставляли на защиту безграмотных женщин, а иногда – и бездушных аферисток.

Его раздражала Майка, которая начинала рыдать у телевизора.

– О чем ты? С ума сошла? Кого тебе жалко? Суррогатную мать? Она договор подписала, она знала, на что шла. Она получила немалые деньги. Это бизнес, в конце концов. И за всем этим еще пара несчастных родителей, для которых потерял единственный шанс. Шанс получить своего ребенка. Родители, которые сами родить никак не могут.

– Или не хотят...

– Слушай, ты, в конце концов, жена доктора. И я тебе, по-моему, уже объяснял. Для суррогатного материнства всегда должны быть веские основания. Оно возможно только в случае, если женщина не может выносить ребенка по медицинским показаниям.

– Их можно придумать.

– Придумать нельзя. Хотя базу подвести, конечно же, можно. Три неудачных ЭКО – вот тебе и показание к суррогатному материнству. И все равно. Прекрати вестись на абсолютную глупость.

– Но ведь девять месяцев...

– И что?! Ты же знаешь, у меня в клинике есть суррогатные матери, они все девять месяцев наблюдаются в клинике, с ними работают психологи, это взрослые женщины, которые четко знают, чего хотят. У них есть цели, на что они потратят заработанные деньги.

– Эта, которая из фильма, не наблюдалась.

– Майя, ты меня запутала! Да какая разница! Человек должен отвечать за свои поступки.

– Конечно, должен, но все равно жалко...

Да, его работа была на грани. Наука граничила с чувствами и эмоциями. Холодная голова и горячее сердце. Голова должна была быть у него ледяной. И это не всегда получалось. Только свои эмоции он старался сдерживать. Он должен думать и отсекал ненужное. Только так можно было идти вперед, разбираться в щекотливых ситуациях.

А суррогатное материнство вообще тема скользкая. Вот его Майка вроде умна, а тоже, получается, не догоняет.

Сегодня в рамках экономии бюджетных денежных средств, к примеру, женщинам, для которых ребенка родила суррогатная мать, больше не дают декретный отпуск. Формально чиновники правы, эти женщины не рожали, за что же им давать декретный отпуск? Так и преподнесли в Минздрав на подпись приказ о прекращении выдачи декретного отпуска этим женщинам. А ведь до 2011 года им такой отпуск давали. Только чиновники позабыли сообщить министру, что ранее-то выдавали декретный отпуск для сохранения врачебной тайны. Такие женщины, работая, нередко имитируют беременность, подкладывая подушечку, чтобы «животик рос» и никто не задавал лишних вопросов. После родов они приносили лист нетрудоспособности и оформляли отпуск по уходу за ребенком. А теперь, представьте, работает такая женщина в коллективе, ходит «беременная», ей подруги говорят: «А когда в декрет? Пора уже!» А она сочиняет, что еще немного поработает, чтобы денег побольше заработать. Далее проходят роды у ее суррогатной матери, и она «исчезает» с работы; ну, якобы роды преждевременные. И затем приносит свидетельство о рождении ребенка и оформляет отпуск по уходу. И немой, а в некоторых случаях и прямой вопрос: «А где же декрет?» И женщина не знает, что делать. К сожалению, на практике ей приходится уходить с работы, чтобы медицинская тайна

не была раскрыта. И каждый раз Кирилл не знал, как он может помочь своей пациентке. Как же закон о сохранении врачебной тайны?

Врачебная тайна – многогранное этическое и юридическое понятие. Понятие врачебной тайны и условия ее разглашения закреплены в «Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан». Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. К личной тайне относятся сведения, характеризующие состояние здоровья гражданина, а также информация, доверенная пациентом врачу.

Кирилл всегда был в курсе статистики. Так, в 2012 году в России по программе суррогатного материнства родилось 294 ребенка. И из этого числа более половины генетических мам не нуждались в оформлении декретного отпуска, так как они были просто хорошо обеспечены. Программа «суррогатное материнство» действительно дорогая для генетических родителей. Стоимость ее обходится не менее чем в 1,5–2 миллиона рублей, а то и больше. В эту сумму, как правило, включены расходы на проведение цикла ЭКО, ежемесячные выплаты суррогатной матери, вынашивающей беременность, и, главное, денежное вознаграждение после родов. Такую роскошь могут себе позволить далеко не многие супружеские пары. Только очень обеспеченные. Еще 25 процентов – это частные предприниматели, им декретный отпуск оформлять не надо. Но оставшиеся 25 процентов – это те женщины, которые работают; обычно на престижной и высокооплачиваемой работе, и им декретный отпуск нужен даже не из-за денег, а только для того, чтобы не разглашать факт суррогатного материнства.

Такие примеры тоже бывали в практике Кирилла. Одной его пациентке, которая работала в крупной компании и получала достаточные деньги, пришлось уволиться, чтобы никто не задавал ей вопросов по поводу родов и детей. Никакие обращения в Минздрав тогда не помогли, там стояли насмерть: «Нельзя! Вы-де не рожали!»

Абсурд! И все это из-за 100 случаев в год по программе суррогатного материнства, когда женщине был нужен декретный отпуск. Да разве деньги были тогда нужны этим мамам?! Им нужно было спокойствие и счастье для своих малышей. И соблюдение ЗАКОНА о врачебной тайне.

И все равно Кириллу Кольцову было очень обидно слышать «дети из пробирки», как шепот из-за угла. О таких родах нужно было говорить с гордостью, а не скрывать правду. Родители детей, зачатых подобным способом, практически герои. Не говоря о материальной стороне дела. Многие пары копят, отказывают себе во всем, чтобы сделать хотя бы попытку. А потом начинаются долгие и болезненные процедуры. Гормоны, лекарства, постоянные приемы у врачей. И нужны силы, чтобы выдержать неудачу, если таковая случится. И не сдаваться.

Для Кирилла клиника была его жизнью. Может быть, даже стала ему женой, самой реальной, самой необходимой. По той самой народной мудрости и его классификации – второй, той, которая «от людей». И ничего дьявольского в его работе не было, в это он верил свято. На том стоял. А Инга? Кем же в этой цепочке была Инга? Кто теперь разберет. Сколько лет прошло...

3

– Глеб, подожди, ты мне так ничего и не ответил. – Инга стояла, опершись о дверной косяк и в упор смотрела на мужа. Она еще раз отметила, как хорошо выглядит муж для своего возраста. Поджарый, стройный. Ей фигуру сохранить не удалось.

– Ну почему именно эта клиника, объясни ты мне?! Сколько клиник занимается в Москве ЭКО? И потом, ты же верила своему врачу в Питере? И в последний раз все было нормально!

– Нормально? Ты называешь это нормальным? – Инга с удивлением смотрела на мужа.

– Хорошо-хорошо, я не это имел в виду. Я хотел сказать, что врач тебя устраивал, ты ей поверила, мы приняли решение. Инга, я не готов к разговору. Это твои эмоции, и это слишком серьезно. Давай поговорим вечером.

– Глеб, а чего тянуть до вечера, я уже записала нас на прием, – Инга говорила спокойно, но очень решительно. Все так же стоя у дверного косяка, напряженно выпрямив спину. Именно по этой прямой спине Глеб понял, что жену отговаривать бесполезно. Таких аргументов просто не найти.

Мужчина в сердцах швырнул портфель на пол и, с шумом отодвинув стул, сел, глядя прямо перед собой.

– Туда я идти не хочу. Ты поняла? В любую другую клинику, но только не туда.

– Ты взрослый человек, прошло столько лет.

– Да сколько бы ни прошло. Он остался тем же! Ты разве не поняла? Какой был, такой и есть! Самоуверенный тип! Ему совершенно наплевать на других. Думает только о себе! Он чуть жизнь тебе не сломал!

– Глеб...

– Что Глеб? Он как никто знал, что ты тогда была еще очень слаба, и вообще! Так врач не поступает! Он не может использовать служебное положение в личных целях!

– А как он использовал?

– Ты сама все прекрасно знаешь.

– Я знаю, что мне 43 года! И это единственная клиника в Москве, где такой высокий процент беременностей! И где заботятся о женщине! Особенно о возрастной! Я все подробно узнала. Именно там есть отделение позднего репродуктивного возраста.

– То есть ты все уже узнала.

– Да, и уверяю тебя, дело не в Кольцове и не в том, что мы так неожиданно встретились. Это ни при чем. Я даже не знала, что он переехал в Москву. И что клиникой руководит.

– Инга, мне нужен МОЙ ребенок, понимаешь, мой! Ты же сама все знаешь! Наверняка встанет вопрос о доноре. Я к этому не готов, прости.

– И мне нужен твой ребенок. Наш ребенок. У нас еще есть шанс! Возможно, последний. Дай нам еще одну попытку!

Какое-то время Глеб молча сидел на стуле, опустив руки и глядя в пол, затем, не ответив, взял портфель и вышел из квартиры, хлопнув дверью.

Практически одновременно с уходом мужа зазвонил телефон.

– Да, подтверждаю. На среду, к двенадцати часам. Лично к Кольцову. Вы уверены, что нас примет именно он? Хорошо-хорошо. Да, первичная консультация. Нам обязательно быть с мужем? Может, сначала одной? Спасибо! Я так и сделаю.

Инга повесила трубку и принялась разбирать вещи для стирки. Черное от белого, белое от цветного. Это хорошо, что она сначала поедет одна. Осмотрится, все прикинет. Носки отдельно, бюстгалтеры в мешок. Или все же поехать вдвоем? Рубашки Глеба – в отдельную кучу, нужно застирать воротнички. Нет, лучше одной. Обязательно нужно почувствовать атмосферу клиники, посмотреть, что за врачи, это очень важно: поверить – довериться. И что скажет внутренний голос. Может, и вообще им туда вместе идти не захочется. Скатерть с винными пятнами. Это тоже в сторону. Про то, что не понравится, думать не хотелось, почему-то была уверена: обязательно все сложится хорошо. Инга продолжала разбирать белье, пытаюсь сосредоточиться на домашних хлопотах. Ей сегодня не обязательно было идти на работу, и нужно было себя чем-то занять.

Домашние дела всегда для женщины найдутся. Инга любила свой дом, любила наводить блеск, поддерживать чистоту. Уютная трехкомнатная квартира за долгие годы проживания здесь не превратилась в склад вещей. Хотя могла бы. С их-то любовью к путешествиям, посто-

янным копаниям на блошиных рынках. Инга умела создавать уют при минимальном количестве предметов.

Квартира Инги – ее капитал, ее радость и предмет зависти многих друзей и недругов. Шутка ли, Брюсов переулоч. Когда она выходила из вагона метро на центральной станции, попутчики бросали деловито: «На переход?» – «Нет, я тут живу». – «А что, здесь можно жить?» – «Ну вот я же живу!» И тут же следовал недоуменный взгляд, и поджатые губы говорили о том, что она переходила в какую-то другую категорию, ее отсекали от обычных людей, выделяли, и это неприятно ранило.

Квартира досталась ей от бабушки, коренной москвички. Бабушка вышла замуж в московскую коммуналку. Семья мужа занимала в квартире просторную комнату с двумя окнами. Уже тогда комнату делили красивой шторой на два угла. Молодая девушка сразу же прижилась в большой и дружной семье. В одной комнате мирно уживались три поколения Соколовых: родители жениха, его дедушка с бабушкой, железная кровать которых стояла за огромным двухстворчатым шкафом, и сам жених. Тут родился и маленький Миша – папа Инги. Как любила рассказывать бабуля, жили дружно, ее не обижали, Мишу боготворили. Сосед был всего один – Лешка-пьяница, больной туберкулезом. Когда его выслали за 101-й километр, семье досталась вся квартира.

Дом с историей, как, собственно, и весь Брюсов переулоч. Но этот – совершенно особенный. Именно в этом доме жила Галина Бениславская, одна из возлюбленных Есенина. Бабуля гордилась и домом, и своей принадлежностью к московской истории, а уж Есенина считала чуть ли не родственником. Историю его любви с Бениславской знала назубок, Инге порой казалось, что бабуля уже не помнит, что было в действительности, а что прочитано в книгах, но какая разница? История для того и существует, чтобы ее переиначивать, а в данном случае немного романтизировать и приукрашивать.

Впервые Бениславская увидела Есенина 19 сентября 1920 года на вечере в Политехническом музее, на котором поэт читал свои стихи:

Плюйся, ветер, охапками листьев, —
Я такой же, как ты, хулиган.

Любовь вспыхнула мгновенно, и какое-то время Есенин даже жил у Бениславской в многолюдной коммуналке в Брюсовом переулке. Она активно занималась его литературными делами: вела переговоры с редакциями, заключала с ними договоры на издания. А Есенин оставался Есениным: влюбчивым, безалаберным; он то уходил, то возвращался. Сначала к Айседоре Дункан, затем к Софье Толстой. Кто теперь ответит на вопрос: любил ли он Галину Бениславскую? Может, да, а может, и нет. Но одно доподлинно известно: сама Бениславская не могла жить без «своего солнца». И спустя 11 месяцев после гибели Есенина застрелилась на его могиле, оставив записку: «В этой могиле для меня все самое дорогое...»

Въехав в квартиру в Брюсовом, Инга сначала испытывала чувство вины. Как будто она вытеснила бабулю из жизни, заняла ее место. При этом, если уж начистоту, она не очень любила мать своего отца, отношения у них были напряженные, бабуля обвиняла Ингину мать в раннем уходе отца из жизни. И слушать ничего не желала ни про тяжелый характер сына, ни про его сильное пристрастие к алкогольным напиткам. При жизни отца они общались мало, и то, что бабушка завещала квартиру ей, стало и для Инги, и для Ксении Рудольфовны абсолютной неожиданностью.

Инга не сразу решилась на ремонт, словно боялась прикоснуться к истории дома, к месту. И только после появления в ее жизни Глеба они потихоньку квартиру перепланировали и отремонтировали. Из большой комнаты сделали две: спальню и кабинет (понятное дело, впоследствии он должен был стать детской), из бывшей кладовки в коридоре получились при-

личная гардеробная и примыкающий к ней гостевой туалет. Глубокие стенные шкафы послужили основой для библиотеки. И как итог: просторные комнаты, минимум шкафов, высокие потолки, распашные двери и все окна – в тихий московский дворик. Можно сказать – в кирпичный колодец, а можно – в тенистый и спокойный московский сад, где сирень и липа расточали свой неповторимый аромат. Инга всегда удивлялась, начиная убирать квартиру – вот ведь самый центр, а пыли нет.

Сначала ей хотелось в интерьере больше Прованса, любовь к Франции и всему французскому проявлялась даже при выборе обоев. Но потом все же она склонилась к стилю городской неоклассики. Из элементов французского стиля оставался паркет елочкой. Глеб пытался склонить жену к полной замене пола на модные доски, но Инга стояла на своем. Паркет с его щелями и выбоинами был ей дорог как память. Да и нечто французское в этом тоже сквозило. Во всех любимых французских кинолентах полы именно такие. И двери! Высокие, до потолка. Двери были отреставрированы старые.

Есть люди, которые любят переезжать с места на место. Инга, напротив, была человеком привычек. Она сильно привязывалась к месту. Быть бы ей кошкой, родись она животным: место для нее всегда было важнее окружения. И это место ей не хотелось переделывать раз за разом. И значит, сделанное должно устраивать многие годы. Выходит, неоклассика: универсальное сочетание респектабельности, благородства, возвышенной утонченности и прагматичности с классическими традициями на современный лад. Тут можно проявить гибкость, но основная линия всегда остается четкой.

Как оставить вот это ровное настроение, не сбиться с него? Это нелегко, женщина знала об этом и тем не менее старалась дышать поглубже и сохранять позитивный настрой. Хорошо тем, кто занимается йогой. Инга пыталась время от времени, но ей не хватало терпения. Упражнение, которое ей давалось труднее всего, – это убрать всякие мысли из головы и ни о чем не думать. Как же: не думать? Вот она уже думает о том, что ничего не думает. Сегодня она как никогда старалась расслабиться и выкинуть все мысли из головы.

Инга запустила стиральную машину и решила еще снять с окон шторы. Пришло время химчистки. Еще раз порадовалась, что у них нет тюлевых занавесок. Это прихоть Глеба, ему мешали занавешенные окна, и она в какой-то момент с ним согласилась, пусть будет так. Зато ничего не мешает виду из окон, больше простора. Шум листвы, дворник шуршит метлой, жизнь идет своим чередом. Просто жизнь. Размеренная и будничная.

Женщина достала стремянку из кладовки и аккуратно забралась на самый верх. Нужно быть осторожной. Впереди есть цель, наконец-то опять есть цель. Она не хотела думать о том, что ее ждет, она не строила планов и старалась ни на что особо не надеяться. Столько уже этих планов было выстроено, и столько пустых ожиданий пережито. Она не позволит себе впасть в депрессию, устраивать истерики, она просто отнесется к этой попытке как к очередному проекту, который нужно выполнить. Потратить на это деньги, силы, время. Это нормально. Влезаешь в какое-нибудь дело и сразу перестаешь спать ночами, нервничаешь, планируешь. Не знаешь, с какой стороны подойти. Сколько ресурсов на все это потребуется. Так и здесь. Что, собственно, нового? Она обязательно еще раз все пройдет, все выдержит, а в конце... Нет, невозможно не думать, невозможно не надеяться.

Инга поняла, что со шторами сегодня ничего не выйдет, слезы начали застилать глаза. Она постаралась как можно аккуратнее спуститься, дрожащими руками хватаясь за тяжелые портьерные ткани на ярких чехлах, села на пол и заревела белугой. Это не просто проект. Это – вся ее жизнь, именно то, ради чего стоит жить. То, о чем она запретила себе думать.

Она тогда решилась на ЭКО. Толчком послужил тот самый южный роман, прямо-таки настойчивые рекомендации доктора. И как результат – несколько неудач. Если быть точной, три. Особенно тяжелой была последняя.

Врач из Петербурга вынесла приговор: «Невозможно. Говорю тебе как специалист. Прекрати тратить деньги и убивать здоровье». Страшные слова для женщины. Да, про здоровье – это отдельная тема: и про самочувствие, и про боли, и про то, что никому еще и не покажи, что с тобой происходит. Цены на препараты и услуги врача тоже были немаленькими. Да еще и какое-то странное стечение обстоятельств в том, что им посоветовали клинику в Петербурге. Московским врачам уже веры не было, про Питер же рассказывали, мол, там специалисты какие-то особенные. Обязательно помогут. И начались эти ночные поезда. Туда-обратно. С вокзала несемся в клинику, очереди, анализы, переговоры с врачами, процедуры, а потом где-то нужно гулять до поезда в Москву.

– Это ж Питер, – удивлялись подруги. – Ну, в музей сходи!

Господи, какой музей. Когда хочется свернуться калачиком, где-нибудь залечь и никого не видеть и не слышать, и когда мысль только одна: «А вдруг опять неудача? И что тогда?» А вдруг, вот оно! Вдруг все получится?! И такое счастье разливается по всему телу! И начинаешь рисовать себе, кто и как, и придумывать имена, и покупать одежду, пусть мысленно, и мечтать, как будешь ходить в зоопарк и обязательно на «Щелкунчика». Интересно, у мужчин так же?

Это был очень тяжелый период, мучительный и физически, и морально. Потому что именно в тот раз она верила как никогда, замечталась аж до того, как она будет аплодировать из зала сыну-режиссеру, который получает «Оскара» и произносит заученную речь. И, конечно же, в этой речи ее имя звучит первым. Это будет просто «мама». Не нужно называть имен и отчеств. «Господи, господи, ну дай мне услышать это «мама» хоть когда-нибудь».

Она очень тяжело выходила из той неудачи, погрузилась в накатившую депрессию с головой на долгий период. Перестала общаться с друзьями, практически не выходила из дома, потеряла ко всему происходящему всякий интерес.

– Точка, – сказал тогда Глеб. – Пережили, перепробовали, идем дальше. Тебе 40, мне 46. Значит, не угодно Богу.

Так сказал Глеб, который никогда не верил ни в черта, ни в дьявола, ни в самого всевышнего. «Все в наших руках» – это всегда было его любимой присказкой, и вдруг...

Инга с испугом смотрела на него:

– Нас за что-то наказывают?

– Мы не знаем. Может быть, нас от чего-то оберегают или, наоборот, поощряют. Мы ничего не знаем. Давай жить здесь и сейчас. Не гадать и не мечтать. Мы есть друг у друга. Это важно. Мы есть друг у друга больше десяти лет. Это очень много. Мы умеем жить вдвоем, мы умеем жить друг для друга, наш быт полностью устроен. Давай решим, что это очень хорошо.

Инга опять чуть не разразилась слезами:

– А могло бы...

– Не могло бы, – жестко остановил ее муж. – Все. Не могло бы. И не будет никогда. Есть ты, есть я. И мне очень нравится такая жизнь. – Последние слова он сказал медленно и громко, нарочито растягивая их, как будто гипнотизируя жену, вводя ее в транс. – Только ты и я. Нам хорошо вместе.

Инга потом долго повторяла это как мантру. Сначала вытягивала губы трубочкой, на выдохе тянула, сколько возможно, не разжимая рта: «Омम्म», – потом шепотом проговаривала: «Только ты и я. Нам хорошо вместе». Как жаль, что йога ей не давалась. И мантра эта совсем не убеждала, никак не верилось.

А если начистоту? Если ответить на этот вопрос самой себе? Действительно хорошо? Им действительно хорошо вместе? Наверное. Что же плохого. Вместе в отпуск, вместе в гости. Совпадают во вкусах и пристрастиях. Про страсть говорить не приходится, так ее и с самого

начала не наблюдалось. Было ощущение защищенности, уверенность в завтрашнем дне, а по сегодняшней жизни это не просто хорошо, это роскошь!

У нее нормальный муж, прилично зарабатывает, обеспечивает жену, можно даже сказать, хорош собой. Так бывает, что мужчина расцветает к сорока. Длинная шея становится широкой и мускулистой, а не смешной, как у куренка. Куда-то прячутся чуть лопухие уши, очки добавляют интеллигентности, легкая седина – мужественности. Глеб умел красиво носить пальто и шарфы. В какой-то момент сам себе придумал этот стиль. Пиджаки в мелкую клеточку, темные брюки и яркий шарф под борта. Ему исключительно шли водолазки, он знал толк в обуви. Инга отдавала себе отчет в том, что муж интереснее, чем она. Она за годы немного обрюзгла, несмотря на периодическую йогу и бесконечные диеты. Что делать, она и в молодости не отличалась особой стройностью, а с возрастом и вообще немного поплыла. Инга не любила себя. Завидовала женщинам, которые легко относились к своей полноте и умели создавать свой стиль. Навешивали на черный основной тон бусы из лент и крупных булыжников, обматывались платками, ярко красили губы. Шаровары вместо брюк, тюрбаны на головах. Инга все это видела на страницах журналов, но никогда не применяла к себе. Одевалась тщательно, но без особой изюминки. И хоть и мечтала о своем собственном стиле, никогда не решалась на эксперименты, считая, что нужно оставаться и в одежде сдержанной. На всякий случай. На какой? Сама себе на этот вопрос она ответить не могла. Как-то с интерьерами ей удавалось лучше справляться. Юбки-футляры, короткие пиджаки. Золотая цепочка, серьги с сапфирами. Правда, шейные платки от дизайнеров и сумки обязательно дорогие. Пусть это будет «Шанель». Господи, да у нее и пиджаки «Шанель». Только, кроме нее, это никому не известно, и они не делали ее ни красивее, ни увереннее в себе. Она для себя вывела следующую формулу – женщина должна быть ухоженной. Маникюр, прическа, естественно, косметолог посещался регулярно. А все остальное? Это именно остальное.

Инга никогда не понимала, а видит ли ее ухоженность Глеб? Как он относится к ее внешности или, допустим, к своей внешности? Они никогда не говорили на эту тему. И она немного комплексовала. И вот это: «Нам хорошо вместе», на какое-то время добавило ей уверенности в себе. Это было важно. Тем более если им предстоит пройти путь только вдвоем. «Только Ты и Я».

4

И все-таки, что было первично? Инга хотела стать матерью или она боялась потерять мужа? Боялась, что этот ребенок родится в какой-то другой семье, у другой женщины, и тогда это его «Ты и Я» исчезнет в один миг?

Да, и этого боялась. Но это было вторично. Она все бы отдала, чтобы стать матерью. И Глеба бы отдала? Она не противопоставляла. Никогда. Зачем? Их отношения давно уже переросли в статус хорошей, крепкой дружбы. Да и по первости особенной страсти не было.

Инга не могла бы сказать, чтобы когда-то умирала от любви к своему мужу. Просто так случилось, совпало, так карта легла. Можно еще много дать подходящих определений. Только не по безумной любви или по книжной всепоглощающей страсти. Практически брак по расчету. Или по случаю предложения со стороны жениха. 28 лет – это для девушки уже возраст. В любом случае все подруги уже замуж повыскакивали, посматривали на Ингу снисходительно, что настроения не добавляло.

Почему Инга вышла замуж так поздно? А если честно, то и не предлагали. Небольшого роста, широкоскулая, крепко сбитая, Инга не отличалась яркой внешностью. Можно сказать про такую – славная, приятная, но точно не модель и не кинозвезда. То, что вдумчивая, интересный рассказчик, глубокий человек – на лбу не написано. Да и кому сегодня интересно про рассказчика? Мало кто друг друга слушает, все норовят сами рассказывать.

Их познакомили друзья. Ее пристраивали уже давно, а она и не сопротивлялась. То тут, то там, то в одних гостях, то в других, вдруг вместе с ней приглашался совершенно невзначай какой-нибудь одинокий мужчина. Инга относилась к этому факту спокойно. Как и к тому, что дальше провожания такие знакомства не заходили. Глеб тогда взял ее телефон. А потом позвонил на следующий же вечер с предложением встретиться. Звонок мужчины оказался для Инги полной неожиданностью, вчерашние проводы никакого продолжения не предвещали, и она тут же набрала телефон подруги:

- Галь, а что это за типчик, к которому вы меня пристраиваете в этот раз?
- И почему сразу типчик?
- Ну не типчик. Мужик как мужик. Ты давай короче, он кто?
- Тут такое дело, я сама не очень в курсе, кто он. Командированный. А что, понравился тебе?
- Что значит командированный? То есть он не москвич, что ли?
- Да, он из Челябинска. К Сашке на завод в командировку приехал. Поужинать зашли, вот я тебе и позвонила, чтобы вроде как компания создалась.
- А почему не предупредила?
- Слушай, сколько раз я тебя предупреждала, и что?
- И то верно...
- Так он тебе понравился? Подожди, сейчас все выясню. – И Галка громко крикнула мужу: – Саш, что это за мужик? Да который вчера у нас был? Глеб? Он хоть неженатый? Женатый?! Так ты чего вчера молчал? Я зачем Ингу звала?!
- Дураки вы оба, – прошептала Инга в трубку.

И тем не менее на свидание с Глебом пошла. Ей даже нравилась эта ситуация. Не нужно из себя что-то изображать. Все точки расставлены. Человек пригласил ее в театр. Сходим. Почему нет? И спектакль аншлаговый – не попасть. И где только билеты купил? Таганка. «Мастер и Маргарита», мечта всей жизни! От такого не отказываются. В главных ролях Смехов, Шацкая.

Глеб ждал ее у театра с милой и приветливой улыбкой. Немного провинциальный, сразу видно, что не москвич, в плаще и в шляпе. И к чему эта шляпа? Разве на улице холодно? А если у него голова мерзнет, можно найти модную кепку. И ботинки на толстой подошве совершенно не подходили ни к неплохому импортному костюму, ни к галстуку, в общем достаточно симпатичному. «Да, видно, той жене совершенно все равно, как одет муж», – пронеслось у Инги в голове.

– Еще успеем в буфет. Я бы, честно говоря, перекусил, знаете, я же здесь в командировке, ухаживать за мной некому.

– Конечно, пойдёмте, – бодро продолжила Инга. – А дома за вами кто ухаживает? – девушка решила особо не стесняться и задать все вопросы сразу и прямо.

– Жена, – так же прямо, ничуть не смутившись, ответил мужчина.

Вот это да. То есть он просто увидел одинокую девушку. А тут билеты подвернулись. Почему бы не предложить сходить вместе? Не с Сашкой же идти, в конце концов. У него есть Галя. А у Инги никого нет, она вполне может сходить в театр, даже вот так вот, заранее не предупреждая. День в день. То есть он, видимо, сразу определил, что нет у нее ни мужа, ни ухажера. Позови – она сразу и пойдет. А она и пошла. Ну и ладно. И что? Инга решила не расстраиваться по этому поводу. Подумаешь! Спектакль им предстоял грандиозный. Нужно сейчас этого бедного командированного покормить, чтобы в животе не урчало, и погрузиться в атмосферу Таганки. А там пожмем друг другу руки и скажем спасибо за доставленное удовольствие!

Спектакль оглушил сразу, с первой реплики печального Иешуа Га-Ноцри в рваной холстине, фантастически бравурного Азazelло и шарманистого Бегемота. Бал с абсолютно голой Маргаритой. «Мы в восхищении!»

Вот это театр! Восторг, а не театр! Инга сама готова была постоянно вскакивать и кричать: «Мы в восхищении!»

Стая ворон (неужели живые?!). Или это просто зал осветили прожекторы, и птицы стояли в записи; тетки в нижнем белье времен «прощай, молодость», с папиросками расхаживающие по сцене; и Понтий Пилат, совесть народная:

– И почему так болит голова?

– Тебе это только кажется, добрый человек, – спокойный голос Иешуа.

– Почему ты называешь меня добрым?

Инга погружалась в действие, хваталась за локоть Глеба, громко охала, а после спектакля хлопала так, что отбила себе все ладошки и первый раз в жизни кричала «браво!».

Нет, Инга не могла отпустить вот так просто Глеба после этого представления. Есть такие фильмы, спектакли, после которых выходишь и чувствуешь человека, который сидел рядом с тобой, своим родственником. Только что пережили что-то такое, что сблизило, перевернуло все привычное, как будто краски мира изменились. И нужно обсудить и еще раз вспомнить, проговорить. Ведь он тоже слышал, видел. И никто другой сейчас не поймет, а потом все забудется, поэтому обсуждать нужно сейчас, немедленно. Они ходили по району Замоскворечья, дошли до Лаврушинского переулка, тема театра незаметно перешла в музейную. Им было хорошо вдвоем. С Глебом было легко и очень просто.

– Булгаков – твой любимый писатель?

– Я бы так не сказала. Я больше Чехова люблю. И Горького.

– Ого! Какой размах!

– Так я иная закончила. Так что кое-что в литературе понимаю. И во французской тоже. Они долго гуляли, а потом Инга просто предложила:

– А пойдемте ко мне. У меня есть котлеты и макароны.

Квартира в Брюсовом переулке мужчину впечатлила, хотя некоторое запустение он отметил.

– Здесь жил пожилой человек?

Инге стало неловко, и она тут же увидела знакомую с детства обстановку словно другими глазами.

– Да, это квартира моей бабушки, я недавно переехала, – и почему-то твердо добавила: – Но это воспоминания моего детства, и пока что-то менять здесь я не готова.

Глеб пожал плечами:

– Я просто так спросил, интересно же, квартира в центре.

А потом съел и котлеты с макаронами, и чаю с вареньем напился, и спать остался. Без особых объяснений с его стороны и вопросов с ее.

А утром ушел на работу, чтобы оттуда уехать в свой Челябинск. Иногда звонил. Она ждала. Еще больше стала нервничать и ждать звонков, когда поняла, что беременна. А мужчина вдруг пропал. И она не знала, что делать, время «ч» наступало, нужно было принимать решение. И она его приняла. Молодая женщина не смогла взять на себя ответственность. Никто не знал. Маме сказать боялась. Подруг таких, чтобы совсем задушевные, не было. Инга была одиночкой. У Галки, единственной, с кем девушка была более или менее откровенной, была своя жизнь. И потом, Инга обиделась тогда за «командированного». Даже про поход в театр не стала рассказывать, а уж про ночь, проведенную вместе, тем более. Она металась со своим кошмаром одна. Про ребенка не думала. Думала о том, как жить дальше, как людям в глаза смотреть.

Хотя окажись на месте толстой неопрятной врачихи другая, может быть, все было бы по-другому.

– Замужем? Нет? Надеюсь, рожать не собираешься?

Врачиха с усмешкой смотрела поверх очков.

– Я не знаю, – неуверенно проговорила Инга. – Возраст...

– Вот именно, возраст. Чего раньше-то тянула? Рожать-то уж пора, тут к гадалке не ходи. А на личной жизни можешь ставить жирный крест. Никому чужой ребенок не нужен. Помогать есть кому?

– Только мама, но она не очень здорова. То есть... – Инга запнулась. О чем она? О том, что мама в данный момент болеет гриппом? При чем здесь это?!

– Вот то-то, мать в гроб вогнать хочешь? С такой-то новостью. Незаконнорожденного в подоле принесла. Отца хоть знаешь?

– Конечно. – Инга покраснела до корней волос. Что это за врачиха такая? Почему она ее тут унижает? И почему Инга сидит и слушает? Нужно встать и уйти! Вот только куда?

– А он-то знает?

– Нет, – твердо ответила Инга.

– Ну и че тут думать?

Инга закусила губу и решила не думать. И не сомневаться. Она действительно сошла с ума, как можно было пустить в свою жизнь совершенно незнакомого человека? Спектакль им, видите ли, понравился один и тот же. Точно не повод рожать ребенка.

Глеб приехал через полгода после аборта. С чемоданом и словами: «Меня берут на работу. Я хочу жить с тобой, если ты не против, конечно. Но в принципе мне дают общежитие, так что как хочешь. – И немного помолчав: – Да, и развод я оформил».

А она не знала, чего хотела. Что-то внутри уже оборвалось. Она пожала плечами:

– Чего ж, живи, а там будет видно.

Она никогда не рассказывала ему про тот аборт и ни разу не смогла ответить правду на унижительные вопросы докторов:

– Сколько родов? Сколько аборт? Точно ни одного? Не врете?

5

И они начали строить с Глебом совместную жизнь. На каком-то недопонимании, недосказанности. Ей уже исполнилось двадцать девять, ему тридцать пять, у него за плечами развод и восьмилетний сын. Глеб не распространялся, что там произошло, но Инга понимала: не она причина развода. Тогда кто? Или что? Как выяснилось впоследствии – «кто». Бывшая жена Глеба Ира нашла другого. Так называемый служебный роман. Забрала мальчика и ушла. Глеб переехал в Москву, откликнувшись на поступившее предложение работы скорее от отчаяния; он не мог больше видеть счастливое лицо жены. Инга к этому переезду не имела никакого отношения. Ему в то время нужно было где-то прислонить голову. Плечо Инги оказалось ближайшим.

Если бы она тогда рассказала про ребенка, он бы, наверное, даже ничего не понял. Какой ребенок? Откуда? Слишком свежа была рана. Слишком много было эмоций. Он даже путался поначалу, называя Ингу Ирой. Инга решила не обращать внимания. В ее жизни появился мужчина. Приятный. Интеллигентный, образованный, начитанный. Вон в Москву работать пригласили. Прямо скажем, близкий ей и по духу, и по уровню. Все-таки по образованию Инга была переводчиком, выученная на несметных томах наших и зарубежных классиков, а Глеб не уступал ей в начитанности. Подумаешь, не влюблен до беспамятства. Она ему интересна, девушка это чувствовала. И Инга решила, что будет с ним счастлива. Многое сегодня зависит от нее. И все в ее руках. У него не сложилось, но он готов к новым отношениям. На Ингу действительно смотрит с большой симпатией и благодарностью. Эти глаза, периодически наполняющиеся слезами. В них столько боли, столько всего пережитого. Она может отогреть. И тот ребенок, наверное, был бы некстати, преждевременным. Сначала нужно выходить Глеба,

а потом уже они родят и собственного ребенка. Обязательно. Все у них получится. А шляпу выкинем. Не проблема.

Только все это Инга поняла уже потом. Когда они притерлись, когда стало окончательно ясно, что Глеб появился в ее жизни не случайно. Это ее человек, она нужна ему, а он нужен ей. И все, что было раньше, размазалось, расплылось.

Сколько сил положила Инга на то, чтобы выходить, поднять из руин взрослого мужчину, сколько выслушала рассказов, сколько он вывалил на ее голову обид на бывшую жену. Лечила, выхаживала, поднимала. Не думая о себе. И Глеб привык, что он первый, он единственный. Он и его Игорек, к которому постоянно летал, говорил с мальчишкой по телефону, потом подробно пересказывал Инге. Она все принимала, пропускала через сердце, и уже закрадывались сомнения: а что же с их собственными детьми? Почему беременность не наступает? Уже пора. Давно пора. Прошло три года, как они вместе. Это уже что-то значит? Или нужно вспомнить слова бабушки: придет и твое время?

Доктора разводили руками: «Подождите», но Инга уже начала нервничать. Что не так? Почему?

Так бывает, если что-то тебя гложет: ответы сами собой находятся в совершенно неожиданных местах – в разговоре с подругой, в книжке, в кинофильме, сюжет которого, казалось бы, совершенно о другом. И Инга вчитывалась, прислушивалась, присматривалась и уж, конечно, пролистывала журнал «Здоровье», который выписывала мама.

– Ксения Рудольфовна, что вы этот бред читаете? Если у вас что болит, то сходите в поликлинику. Что вы верите всяким целителям?

– Ну, во-первых, Глеб, это научный журнал. При чем здесь целители? Здесь как раз все про новые методы. Очень даже просветляет! Тут ты как раз не прав. Это в какой же нашей поликлинике кто такие методы использует? Вот по первому каналу ты только послушай, что говорят.

– Ну-ка, ну-ка?

– Говорят, если у тебя что болит, то сходи, нарви подорожников и одуванчиков. Одуванчики свари, подорожник к ранке приложи. Совсем нас за дураков держат. Смотреть противно!

– Так вы не смотрите.

– Так привыкла. Вроде как к распорядку дня относится. Эх, что вам объяснять, все равно не поймете.

В принципе, отношения у тещи с зятем складывались практически приятельские. Инга не чувствовала, что вешает на своего мужа дополнительную ответственность. Одна мама на них обоих – это немного. И Ксения Рудольфовна особых хлопот не доставляла. Она действительно была немного заиклена на себе, на своем здоровье. Судя по всему, и суп из одуванчиков варила тоже. Ну а кому это мешало? Тем более что жила теща отдельно, встречались по праздникам, пару раз в месяц забегали на воскресный обед. Заодно выслушивали лекцию о здоровом питании. Глеб слушал ворчание пожилой женщины снисходительно, больше даже кипятилась Инга.

– Мама, не начинай!

– А что такого? В очередном номере, кстати, для тебя есть статья полезная.

Мама переживала за дочь, она вместе с новой семьей ждала этого ребенка. Мыслями своими не делилась, вопросов не задавала, но тайком вздыхала. Как-то так у нас принято. Ребенок должен родиться через год, в противном случае начинаются недоумение, перешептывания.

Инга сразу поняла, что имеет в виду мама. Глебу нужно было позвонить по работе, Ксения Рудольфовна ушла на кухню мыть тарелки, а Инга взяла в руки журнал. Она быстро пролистывала страницы, морщась от кислого яблока, пока в глаза не бросился яркий заголовок «Немного о бесплодии», научный доклад одного доктора из маленького южного городка. Про-

бежалась глазами и поняла, что хочет вникнуть в эту работу. Тем более написан доклад был человеческим и понятным языком.

– Мама, я возьму этот журнал? – бросила при прощании как бы между прочим.

– Бери, собственно, для тебя и приготовила. – Ксения Рудольфовна, как всегда, поцеловала детей на прощание и выдала шарлотку к ужину.

Инга открыла журнал уже поздно вечером, Глеб лег спать, а она включила торшер, забралась в кресло с ногами, заварила себе липового чаю и начала читать. Внимательно, периодически перечитывая фразу дважды, вникая и подчеркивая то, что запомнилось или не совсем понятно. И думая, какой хороший доктор. Такой Айболит, который помогает. Добрый доктор Айболит. И где же та Африка? Вот бы туда попасть.

Инга читала статью внимательно, не пропуская медицинских терминов и случаев из практики. И фамилию автора запомнила.

Кирилл Кольцов. Женщина пыталась разобраться, найти ответы на свои вопросы. Она многого не поняла, но ясно было одно. Бесплодие – это про них с Глебом. Виноваты могут быть оба, то есть в ту самую злосчастную женскую консультацию нужно было бежать уже вчера. Но и сегодня еще не поздно. Да, и по врачам прошелся доктор Кольцов. И их вина может быть, не безгрешные, а главное, никто за тобой бегать не будет. Твои проблемы. Хочешь иметь детей – вперед. Это же надо так написать: «Выберите себе врача, в которого верите. И добивайте врача, за грудки его берите, но требуйте, чтобы он вел вас активно, – тогда будет эффект».

Доктор с Большой буквы. Почему им такой не встретился? А она? Она сама? Она что, кого-то когда хватала за грудки? Но та статья как-то ее встряхнула, Инга поняла, что шанс есть и все еще у них получится.

6

С момента их с Глебом знакомства прошло пятнадцать лет, и позади было много всякого и разного. И даже то ее короткое увлечение в курортном городке. Муж тогда напридумывал неизвестно чего. И он, и мама. А собственно, почему и нет? Этого следовало ожидать. Безумная любовь накрывает с головой и догоняет каждого. Хотя бы раз в жизни. Каждый человек имеет право. На частную жизнь, на отношения. На роман. Иногда на курортный роман. Например, с доктором в южном городке. Почему бы доктору не быть гинекологом? Ну кому бы взбрело в голову, что Кирилл через несколько лет обоснуется в Москве, станет успешным врачом, откроет свою клинику и будет заниматься бесплодием с прекрасными результатами? Просто светило какое-то! Пойди еще запишись! В очереди нужно постоять, чтобы к САМОМУ попасть.

Инга трудилась переводчиком при французском посольстве. На работу позвали, как говорится, по блату. После института распределилась в школу. В принципе она хотела попробовать себя в качестве учительницы. Школа, воспитание детей, каждодневное творчество, долг перед Родиной. Да, именно долг перед Родиной! Воспитать новое поколение детей: любящих классическую литературу, понимающих толк в красивых манерах и, конечно же, блестяще говорящих по-французски. Она мечтала о театральных постановках и совместных поездках в Прованс. Она умела зажечь в ребятах любовь к языку, на уроках они много разговаривали:

– Раньше все говорили по-французски!

– Это правда. Например, мать Ивана Сергеевича Тургенева писала только по-французски. По-русски писать практически не могла. Но вот ведь интересно, этот «французский» русских дворян практически был непонятен французам!

– Тоже уроки прогуливали?!

– Нет, в то время уроки прогулять было невозможно. Учитель сам приходил к ребенку, а то и жил с ним в одном доме. Вот только кто были эти учителя? Как правило, французские пленные. А это все сплошь крестьяне. Своему крестьянскому языку они детей и учили. И потом, если постоянно общаться друг с другом, а не с носителями языка, то язык приобретает другие формы, он не развивается, устаревает. Вот поэтому мы и смотрим с вами современные фильмы, слушаем песни, потому что нам нужен современный язык!

К сожалению, руководство школы никак Ингу не поддерживало.

– Вы опять ребят после уроков задержали! Родители жалуются! У детей репетиторы, секции всякие! Вы их только с толку сбиваете!

Инге жаль было бросать своих учеников, но она и завуча понимала: кому тут нужен ее французский?

После школы молодая женщина короткое время проработала в консалтинговой фирме, а потом ее нашел папа ее школьной ученицы и предложил работу в посольстве.

Работа в посольстве ей нравилась. В первую очередь нравилось то, что она постоянно говорит по-французски, причем с теми самыми носителями языка. И сами носители нравились. Нравилась их галантность, шарм, умение одеваться. Такая легкая небрежность и одновременно изысканность. Так что сначала восхищаемся, а потом уже копим силы на длительные переводы.

Переводчик – это как арбитр! Именно он утрясает, сглаживает, улаживает. То есть в первую очередь, конечно, переводит. Но не только. Настоящий переводчик должен уметь делать многое. Даже ее внешний облик – спокойные пиджаки, узкие юбки – был продиктован работой. Она всегда в тени. Не должна на себя обращать внимания. Всего лишь фон. И ее ценили, она об этом знала, на сложные переговоры всегда приглашали именно ее. Правда, высказывание советника: «Инга, ты нам приносишь удачу» – ее слегка обидело. Никто из сильных мира сего не понимал, что она им иногда ДЕЛАЛА эти переговоры. Выстраивала нить, где-то переводила не до конца, чувствуя, что сейчас разразится скандал, смягчала фразы шуткой. Профессия переводчика не проста. Тут и литератор, и психолог, и врач иногда. Удачу она приносит. Ну и возьми в руку амулет, и пусть Марина Львовна переводит, спотыкаясь и запинаясь. Но ничего тогда не ответила, мягко поблагодарила. Пусть думает, что так. И все равно, интересная работа. Работа с людьми, без нее не обойтись! Она занята была не каждый день, но случались и командировки, и затяжные долгоиграющие приемы.

А иногда наваливалось затишье, которое Инга не любила. Ну не все же время драить квартиру. Подруги ушли в прошлое, иногда созванивались с Галкой. Но у той своя жизнь, свои проблемы. Сашка ушел в новую семью, и Инга устала слушать бесконечное нытье по поводу «этого подонка». Ну, подонки. Действительно. Она знала подругу. С ней точно можно жить. А молодых – их много, и всегда найдется еще моложе. Не по-мужски. Но сколько можно об этом? Сил никаких нет слушать.

– Давай в кино сходим. Новая комедия французская вышла.

– Да ну ее. Лучше просто в кафе.

В кафе Инга не хотела. Опять снова-здорово.

– Хорошо. Как-нибудь. Сейчас перевод подбросили. Перезвоню, когда закончу.

По мнению подруги, Инга жила роскошно. Муж – бизнесмен, отдыхают два раза в год, Инга постоянно где-то представляет. Квартира в Брюсовом переулке с двумя санузлами. Действительно, зачем им два? Галка как-то раз прямо так и спросила: «А зачем вам два туалета?»

Инга не нашлась тогда что ответить. Она знала, что многих раздражает их квартира в самом центре Москвы, 800 метров от Кремля.

– Как можно жить практически на Красной площади? – вечный вопрос.

Да, здесь можно жить, а не просто приезжать в театр или погулять. И она жила, устроила себе здесь уютное семейное гнездышко, которое, с одной стороны, напоминало о бабушке, а с другой – показало ей, что у нее есть свой, полностью ею созданный уголок. Пятнадцать лет – это срок. За это время можно обжить любой уголок, обзавестись хозяйством, соседями, любимыми булочными и скверами. Инга не просто переехала в квартиру, она считала своими все параллельные переулки от Тверской до Большой Никитской и не знала, какой ей больше по сердцу. Газетный, Брюсов, Леонтьевский, Ермолаевский. У каждого было свое лицо, своя история, свои старожилы. И даже свои бомжи.

Она уже привыкла к комфорту. По большому счету никаких забот. Даже дети не ноют над душой. Чего еще желать?

И в голову не могло прийти Галке, как страдает Инга, как плачет в подушку, проснувшись среди ночи после очередного сна, где прижимала к груди маленький живой комочек. Никто не знал. И Глеб не знал. Старалась не думать, отметала. А тут вдруг все всколыхнулось, и так она поверила, что поняла: ее ничто не остановит.

Уже вечером, за ужином, проходившим в полном молчании, Глеб еще раз повторил попытку:

– Ну ты же веришь в приметы! Сама подумай, где ты с ним встретишься? На похоронах! И теперь ты решила лечиться именно у него?!

Инга не ответила. Муж выступил просто ради еще одной галочки, отмечающей очередную неудачу в ее жизни. Он-де говорил, он предупреждал. Завтра они пойдут к врачу, Глеб сделает все что нужно, будет самым обходительным и заботливым мужем. И поддержит ее в любой ситуации, она не сомневалась. У него остался всего один вечер для «побурчать». Она потихоньку улыбнулась, чтобы он не заметил.

Да, действительно на похоронах. И что? Главное не это. Главное – это та гадалка из их летнего итальянского путешествия. Ее пронзительный взгляд, сухие, скрюченные холоднящие руки и быстрая речь. Она сначала даже не сразу поняла, что та ей говорила, хотя прилично говорила по-итальянски. Все же второй язык после французского.

La ragazza. La ragazza piccola. Con tua facio. (Девочка. Маленькая девочка. С твоим лицом.)

7

Как страшно все-таки, когда нужно идти на похороны. Сначала страшно узнать, что умер человек, которого ты хорошо знал. Или даже просто знал, но он, этот человек, уже стал частью твоей истории. И ты ходил к нему в гости, и он к тебе ходил, и были совместные праздники и совместные дела. Потом страшно увидеть родственников этого человека. Все равно для тебя это лишь ужас, который уже случился, но не с тобой (а с тобой, конечно же, не случится). Почему мы все в этом уверены?! А с этими людьми – случилось. И родственникам умершего нужно будет смотреть в глаза, находить слова утешения. А как утетишь, когда для них это была мать или жена? Где найдут силы эти убитые горем люди? На этот самый тяжелый день, когда нужно держаться на глазах у всех? И все тебя будут рассматривать. А в людях есть не только сочувствие, но и любопытство.

Инга всегда боялась встречаться глазами с людьми, которые хоронят близких. Боялась увидеть их потерянными, раздавленными; боялась, вдруг они неправильно поймут ее взгляд, обращенный к ним. Боялась, что усмотрят в нем то самое неприятное и дешевое любопытство.

И самое страшное – увидеть того, кого хоронят. Такого раньше близкого и знакомого и уже совсем далекого, совсем не с нами.

В тот день они прощались с Верой. Как, почему? Почему она? Они только знали, что Вера заболела. А что, чем, почему? Степанов не говорил. Потом она слегла. Игорь Федорович

практически перестал появляться, объясняя: «Веру оставить уже не могу, уход за женой должен быть постоянный». Сегодня у него трудный день. Как он его выдержит? Пока молодец, а вот и Миша. И тоже в выглаженном костюме, и тоже, как и папа, собранный до предела. Инга переводила взгляд с одного пришедшего на другого. Она многих знала по ежегодным дням рождения, которые широко отмечал Игорь Федорович. Понятное дело, врач-уролог.

Среди пришедших бросился в глаза постоянный тамада тех праздников. За глаза Инга называла его Путешественник. Рубашка, естественно, от «Burberry», но на сей раз черного цвета. Совершенно потерянная Верина подружка. Все женщины как будто разом постарели. Или это черная одежда? Видно, что не все нашли то, что подошло бы к случаю, и надели первое попавшееся из шкафа, лишь бы черного цвета. Не всем черное к лицу. Но, к сожалению, пришло уже то время, когда в своем гардеробе надо иметь что-то соответствующее этому скорбному ритуалу.

С Верой они познакомились на дне рождения Степанова. Глеб к тому времени уже открыл свой бизнес, оброс связями и нужными людьми. Общение, встречи, больше для дела, для пользы.

– И как вы только живете, – часто сокрушалась Ксения Рудольфовна. – Вот вроде в ресторан идете. Только зачем? Поесть? Потанцевать? Нет! Обсудить какой-то там проект. Заглянуть в глаза, почувствовать клиента, хлопнуть по рукам. Глеб, как там у тебя еще?

– Все совершенно верно вы запомнили, Ксения Рудольфовна. Причем как раз в этой последовательности. Сначала заглянуть в глаза, а если в тех глазах не почувствую подвоха, то хлопнуть по рукам. А танцевать там и некогда, и не с кем. Разве Инга танцует?

– Батюшки! Дочь! Он никогда не видел, как ты танцуешь? Да у нас все в семье всегда танцевали. Но лучше всех – Ингин папа. Он так вел в вальсе! Судя по всему, многих так и уводил куда-то. Эх...

– Вот видите, то есть то, что я не танцую, это плюс! – Глеб умело переводил разговор в шутку.

Инга не любила деловых встреч мужа, но понимала: так нужно. Действительно нужно. Мы не за границей живем, где все предписано протоколом, где все скрепляется договорами и контрактами. У нас – личный контакт. Верю – не верю. Друг – не друг. Вот ты мне друг! У тебя куплю! А он дурак! И пусть у него дешевле! Плевать!

Инге идти на тот день рождения совершенно не хотелось. Кто? Что?

– Глеб, ну просто как-то неловко. Мы же никого там не знаем. И почему вдруг Степанов нас пригласил? Не такие уж вы друзья.

– Ладно, Ингуша, что теперь говорить? Я уже пообещал. Давай долго засиживаться не будем. Подарим подарок, посидим для приличия часок – и уйдем.

Инга очень хорошо помнила тот праздник. Народ, несмотря на жуткий московский мороз, был в вечернем. Дамы в декольте, длинные платья в пол, мужчины в смокингах. Просто прием во французском посольстве. В других московских местах Инга такого пафоса не припоминала.

Молодая женщина сразу начала вжиматься в стену. Она в принципе никогда особо не наряжалась и тут не знала, как правильно выглядеть, поэтому выбрала обычное бордовое платье в горошек и нитку жемчуга. Даже туфли не удосужилась взять, правда, сапоги соответствовали и платью, и моменту. Неприятно, что Глеб был без пиджака. Обычные брюки, водолазка. Инга расстроилась и рассердилась на мужа. Ну как он мог не выяснить, что за мероприятие? Она чувствовала, что своим видом они расстроили гармонию вечерних туалетов. Их пара явно была не к месту. Народу – человек пятьдесят. Ресторан оказался элитным, интерьеры роскошные. И сразу бросилось в глаза, что они с Глебом в зале самые молодые. А главное, в зале ни одного знакомого человека, только Степанов.

Инга почему-то очень хорошо помнила тот свой вход в ресторанный зал. Минута полного молчания, напряженные взгляды жующих людей в ее сторону. «А вы вообще-то тут кто? Чего это вам здесь надо?» Видимо, все присутствующие на празднике встречались друг с другом часто; во всяком случае, кивали друг другу как добрые знакомые, а они с Глебом оказались тут чужаками.

Инга и в принципе по жизни не была выскочкой, а тут и вовсе забилась в угол. Они сели с краю и предприняли попытку познакомиться с соседями слева и справа, понять, почему простой врач-уролог закатил такой неприлично роскошный праздник по поводу своего дня рождения!

А вот потому и неприлично роскошный, потому что врач-уролог. Напротив сидит заместитель одного министра с женой, а соседи справа – заместитель другого министра с женой. И по очереди они вставали и кланялись Степанову в пояс. За то, что вылечил, за то, что дал возможность нормально жить. Причем кланялись сначала сами министры, потом их жены.

Люди за столом выпивали, становились более раскованными. Инга никогда не была на таких праздниках. На ее взгляд, такой шикарной могла быть только свадьба или юбилей, по крайней мере. Но просто день рождения? Как она поняла, Степанову в этот день исполнилось 52 года. Она оглядывалась по сторонам. А ведь здесь не одни министры и их заместители, здесь и старинные друзья, и коллеги по работе. А за столом разыгрывался целый спектакль. Кто есть кто, она сразу не сообразила, поэтому дала всем клички. Вот этот пусть будет Путешественник. Все время рассказывает, как на каких-то лодках в одиночку что-то там переплывал. И все тосты связывал с этим событием. Мол, если и Степанов когда-то где-то что-то переплывать соберется, он обязательно ему компанию составит. Вот ведь любят люди обещать то, чего никто и никогда у них не попросит. А так этот Путешественник очень даже прикинутый, в штормовке не пришел, весь от «Burberry»... И волосы у него седые, длинные, но видно, что только из парикмахерской.

Да... Это примерно как Галкин муж Саша рассказывает, что он какие-то там горные вершины покоряет. Никто же проверить не может, говори что хочешь! Ври не хочу. Вот и Путешественник этот. Вот интересно, он же вроде тост говорит? Ну и выступай про Степанова. Что все про себя-то? Но видно, так человек привык. И хочет что-нибудь сказать про другого, а получается все равно про себя, про подвиги.

Степанов начинает уже за него переживать и, чтобы не ставить человека в дурацкое положение, уже сам начинает рассказывать про него, про его подвиги. Путешественник только скромно кивает, все ему хлопают. Интересно, мы здесь вообще-то зачем собрались? Может, у кого-то день рождения? Хотя про Путешественника, конечно, интересно. А вдруг это все правда? И мужик, конечно, фактурный. Бабы все рты поразевали. Инга отметила тогда про себя, что она, между прочим, тоже.

Ну ладно, Путешественника славить перестали. Кто у нас на очереди? Ага. Парочка комсомольских работников. Они там со Степановым что-то поднимали в комсомольскую годовину. Опять по традиции подробно рассказывают про себя. Хотя такое впечатление, что им так не кажется, им кажется, что они рассказывают про Степанова. Вот люди странные. Сначала говорит комсомольский муж. Ну вот, в процессе оказывается, что комсомольский лидер из них двоих – это на самом деле жена. А не скажешь, с виду такая маленькая, худенькая! А он – вообще генерал, но вроде в отставке, или каких-то секретных служб, или Инга что-то с налету не поняла. Людей новых много, сообрази-ка сразу.

После тоста комсомольских работников растерянность и замешательство ушли сами собой. Инга завела легкий разговор с женами замминистров, еда оказалась на редкость вкусной, народ в зале колоритный. Прав был Глеб. Правильно сделали, что пошли. Ему нужно для бизнеса, это ясно, но и Инге здесь уже нравилось! А то, что их наряды сегодня не соответство-

вали моменту, ну и ладно. Все равно она выглядела не хуже других. Может, у нее стиль такой?! Ее же никто никогда не видел. Может, Инга принципиально вечернее не носит!

Генерал с лидершей тем временем запели. Между прочим, очень даже здорово, да на два голоса, ползала уже вытирали глаза, полные слез умиления. Микрофон передали жене – комсомольскому работнику. Ну вот, пошли лозунги и партийные призывы. Нет, не только лозунги, теперь про любовь пошло. Интересно... но главное, не к мужу-генералу, а к Степанову. Инга улыбалась со своего места. Ну, чисто театр. А что же жена Степанова, Вера? Молодец, сидит, улыбается. Хотя а что ей делать-то? Не в драку же лезть. А лидерша-то, лидерша! Степанов всей двусмысленности ситуации не понимает, млеет, и все тут. Ну, мужики. Ну, только помани их. Что за люди! Хотя что он может сделать? Закричать: «Прекрати немедленно, это клевета, я всю жизнь любил и буду любить только свою жену, Верочку»?

Именно в тот день Инга впервые увидела Веру. Они как раз сидели напротив, и Вера своим поведением, реакцией на порой странноватые тосты вызывала истинное восхищение. Сидит, улыбается. Ведет себя очень достойно. И ненависти к лидерше на лице нет, и великой любви тоже. Очень нейтрально.

Инга любила рассматривать людей. Особенно когда видела их впервые. Угадывать характер, статус. Подмечала, складывала к себе в копилку. Наверное, она бы стала хорошим писателем. Может быть, и психологом, но психолог должен уметь высказываться, а вот этого Инга не любила, она была молчуньей. В Вере чувствовалась порода, такая коренная москвичка. Вовремя засмеяться, вовремя улыбнуться. Вовремя взять паузу. И тем суметь показать человеку, что, например, не очень-то и разделяешь его точку зрения. А еще Ингу восхищали крупные женщины, которые умели царственно нести себя. Не то что стесняться – одаривать других собой! Вера как раз была из таких. Очень высокая, и поскольку лет уже не двадцать, то не тростинка, но никак и не полная. Просто крупная. Как все высокие женщины, безусловно, немного стеснялась своего роста. Все-таки у нас к высоким женщинам отношение было не очень. Мужик-то всегда был мелковат. Поэтому осталась привычка немного сутулиться, но лицо у Веры очень красивое, и одета с огромным вкусом: все лучшее во внешности подчеркнуто вроде и нарядно, но не вычурно.

Инга любила в себе одно качество. Ей нравилось учиться. Всегда! Особенно если она видела что-то достойное. Всегда присматривалась, всегда брала на заметку. Умела восхищаться, умела порадоваться. Вот только применить к себе лично получалось не всегда. Ну и ладно, может, когда-нибудь в будущем. Есть такое выражение – дорогая простота, вот это про Веру. И манера себя вести и общаться с гостями, даже постоянное курение ей очень шло. Красиво поднести ко рту зажженную сигарету – это умеет не каждая женщина. У Веры получалось. При этом она всегда была в тени мужа. Причем понятно, что она сама выбрала для себя такую роль. Ей так удобно и комфортно. И ей не надо организовывать праздник. Пусть говорят «путешественники» и «комсомольские работники». А она будет наблюдать. Небось, даже дома за эту «лидершу» мужу втык не сделает. Она выше этого. Она и в нем, и в себе уверена. Инга смотрела и восхищалась. Вот у кого нужно учиться. А она что? Ревновала Глеба к бывшей жене, которой никогда не видела. Хватило только записи в телефонной книжке «жена», чтобы она впала в депрессию на неделю. Глеб ее с трудом оттуда вытаскивал. И сын Глеба ее нервировал. Вот Веру, небось, никто не нервировал. Она так достойно и доброжелательно себя вела.

– А Вера кем работает? – напротив Инги за столом, как выяснилось, сидела Верина ближайшая подружка.

– Вера как Мишку родила, так никем уже 16 лет не работает. А вообще-то она стюардесса.

– Как это стюардесса?

– А что тут такого? На международных рейсах летала, в бизнес-классе старшей проводницей. Это, между прочим, я их со Степановым познакомила. А то он никак не мог ни к какому берегу пристать. И возраст уже поджимал. Да и Верочка тоже все никак приземлиться не могла.

А тут все как-то срослось. А когда Мишка родился, Вере уже 33 было. Первый ребенок, очень тяжело ей достался. Какие уж тут полеты?! Да и она вся в Гошке и в сыне растворилась. Так что вот. Это на самом деле меня все благодарить должны!

На похоронах Ингу колотило нещадно. Страшно. И страшно было встретить тех же самых людей, которых она практически ежегодно наблюдала в праздничной обстановке. Тогда они только смеялись, хохмили, пели, танцевали. И вот они все сегодня здесь. Но как люди меняются. В состоянии праздника и горя... У всех в глазах растерянность... Всех не покидает мысль о нелепости этой ситуации. Боже, что они все здесь делают? Почему встречаются у морга? И где наряды, где украшения? Только цветы. Море цветов, в основном розы. Море роз. И только Степанов не выглядит потерянным, собранный до предела... Черный костюм, как всегда шикарный, белая рубашка. Он один был готов и провожал жену достойно.

После того первого дня рождения, совместного с этой разношерстной, но интересной компанией, их стали приглашать на праздник ежегодно. Видимо, они с Глебом прошли фейс-контроль. Почему-то Инга была уверена, что рулит здесь всем не Степанов, а может, даже один из замминистров. И люди, собравшиеся за праздничным столом, должны были быть приятны не только Степанову, но и соответствовать статусу приглашенных гостей. У Глеба бизнес развивался, Инга работала во французском посольстве. Позвать, стало быть, не стыдно, а, можно даже сказать, престижно. Гости для стола. Или для веселья? Они в веселье участвовали, и Инга уже замечала, что ей приятно видеть одних и тех же людей вот за этим столом каждый год. Один раз в год, заметим. Ну и ладно. Может, и не надо больше.

Инга наблюдала. И с удивлением отметила, что жены министров перестали меняться с возрастом. И даже наоборот! Год от года они только молодели и хорошели. Все как-то похудели, оделись в яркое. Инга сидела за столом на этом празднике жизни и радовалась происходящим переменам. А ведь действительно. Когда тебе 20 или 30, не очень-то задумываешься, как ты выглядишь. Кажется, что модный прикид может спасти ситуацию. А если тебе под 50 или за 50, то тут уже продумываешь каждую мелочь. Все должно тебе идти, не сделать тебя смешной, все должно соответствовать возрасту и немного его скрадывать.

Никогда Инге не забыть, как в один из развеселых праздников перед ней вдруг начал отплясывать Путешественник, выделывать всякие коленца, вроде как приглашал ее к танцу. Неожиданно женщина поняла, что смотрит он не на нее, а ей через плечо. Инга оглянулась. Прямо за ней стояла жена друга Игоря Федоровича Стелла. Инге она безумно нравилась. Да, не молодая, может, не очень худая и стройная. Но такая у нее улыбка открытая, такая она милая и жизнерадостная, что Инге всегда было радостно в очередной раз находить ее среди гостей. И при этом думать: ну, не главное в женщине возраст! Да, женский век недолгий. Но (!) все зависит от тебя, от блеска в твоих глазах. И первый раз в жизни Инга испытывала ну просто физическую радость оттого, что выбрали в данном случае не ее, а женщину, которая и старше гораздо, и совсем даже не красавица. В любой женщине есть индивидуальность. И нормальный мужик это всегда увидит, сколько бы женщине ни было лет. А если нужна внешность и фигура, как у фотомодели, и чтобы обязательно молодая, так и не мужик это вовсе. Нам такой мужик не нужен.

Нет, черный цвет женщину не красит. И особенно не идет женщине горе. Оно никому не идет.

В какой-то год Лидерша пришла без генерала.

— Люд, а генерал-то где?

— Ой, не спрашивай, развелась. Такая сволочь, ради детей терпела, Жанка в институт поступила, и все. Пошел он подальше.

— Да ты что! Никогда бы не подумала. Внешне у вас такая идиллия была. Пели-то как!

– Во-во, все только на публику. А дома и меня гонял, и детей. Надоело все. В конце концов, я уважаемый человек, вон сколькими людьми руковожу! А дома должна унижения терпеть?

Ну вот, сюжет для небольшого рассказа. Оказывается, так тоже бывает.

В тот год Вера была особенно неподражаемой. Похудела, помолодела. Инга тогда даже не удержалась от комплимента:

– Вера, как тебе удастся?

– Да зубы вставляла, месяц есть не могла. Вот и результат. Сама рада!

Вера всегда была естественной. А ведь это одна из главных составляющих привлекательности женщины. Естественность и небольшая загадочность. Причем не путаем загадочность с кокетством.

На похоронах не было только пожилой пары, которая всегда присутствовала на днях рождения Степанова. За ними прочно закрепилась кличка Евреи, соседи Степановых по дому, жили над ними. Ему сильно за 80, а она всегда с гордостью подчеркивала, что младше мужа на 14 лет. К сожалению, в этом возрасте это уже не заметно. Но на похороны, значит, идти не решились. Инга оглядывала присутствующих и вспоминала, как старикан подмигивал ей на совместных праздниках, а его еврейская жена обиженно поджимала морщинистые губки. А уж когда дедуля решил пригласить Ингу на танец, гордо удалилась в туалет.

Инга слегка побаивалась танцевать с еврейским дедушкой: а вдруг он упадет? То есть понятное дело, она его поднимет, сама не маленькая, сил хватит, но ему же стыдно будет! И все же рискнула!

А дедушка, понимая, что из-за стола вылезти во второй раз уже не сможет (и вискарика выпил, не стеснясь, и жену свою слегка побаивался), все просил певицу:

– Дочка, поиграй подольше, дай с девочкой еще потанцевать.

Да уж, людей, которые моложе тебя, хоронить особенно тяжело. Поэтому и не пришли. Все понятно.

А вот Вера никогда не танцевала на этих праздниках.

– Вера, давай к нам!

– Да ну вас! Я так не умею!

И действительно, эта женщина всегда знала все свои плюсы и минусы. Ну куда скакать с таким ростом? Наверное, это бы смотрелось смешно. Даже если очень хочется. Вера знала про себя все и не ставила себя в дурацкое положение.

– Инга, ну представь, Мишка мой себе какую-то девицу завел. Так эта девица звонит мне и говорит: «А вы Мишина мама? А давайте с вами завтра в музей сходим». Я говорю: «Зачем?» А она мне: «Ну зачем в музей ходят: картины смотреть!»

– Вот это да! Пойдешь?

– Пойду, куда деваться-то, сын же. Морально подготовилась ко всему.

Вот в этом была вся Вера. Ни от чего не отказываемся. Идем вперед с открытыми глазами и принимаем ситуацию как данность. Разбираться будем потом.

И вот уже нет никакого «потом». И Инга так никогда и не узнает, как Вера ходила в музей. А ведь могла позвонить, расспросить. Казалось, что можно сделать это позже, что время еще есть.

– Боже мой, Людмила, я тебя сразу и не узнала. Ты не знаешь, что все-таки случилось? Почему, отчего?

– Сама только позавчера узнала. Игорь не хотел рассказывать. Рак легких...

Похороны были мучительными. Мрачную атмосферу усугубил начавшийся на кладбище дождь. Не просто дождь, а ливень. Страшный, нескончаемый. Что это? Плачет небо? Нет, это не небо плачет. Это Вера не хотела уходить.

Вера не могла согласиться с тем, что уходит так рано, так не вовремя. На кладбище она поняла, что это все, что ничего не изменить. И она оставляет здесь мужа и, главное, сына. Ну почему он должен дальше взрослеть без нее, почему без нее родятся его дети и почему не она будет сидеть с ними в их деревенском доме? Почему? Почему?!

Вера любила Мишку безумно. Когда Степановы приезжали к Глебу с Ингой в гости вместе с ним, это была совсем другая Вера. Она все время любовалась сыном. Уже было не так важно, о чем это мы. Главное, рядом был Михаил, взрослый, красивый. Им можно гордиться. И это ее сын. Вон какого она его вырастила. И он как две капли воды похож на маму. Что греха таить, Инга ревновала людей к их детям. Это было сильнее ее: зарождалась тайная зависть, которая обволакивала, не давала дышать. Ревновала всех. Исключением была Вера. Когда она видела это трепетное отношение, в душе у Инги начинала теплиться надежда. Вера ведь тоже родила поздно. Когда уже никто не верил и сама она уже, наверное, отчаялась. И вот он, подарок Бога. И как все счастливы. А может, и у Инги все еще будет.

8

Инга почувствовала через ливневую завесу взгляд. Она не понимала – чей, но почему-то ей стало не по себе. Что-то странное и нереальное. Как из другой жизни. Этого еще не хватало! Она начала искать Глеба. Где он, что происходит? Никакой зонт не спасал от косых струй. Хлестало по щекам, заливалось за шиворот, не спасало ничего. Но холодно было не от дождя – от страха, который навевали сторбленные и съезжившиеся фигуры в черном, гнетущее молчание и ощущение какой-то безнадежности. Почему не опускают гроб, чего они ждут? Страшно было оттого, что Степанов бежал вообще без всякого зонта от одного к другому. В темном, наглухо застегнутом и туго перепоясанном плаще, он был похож на какого-то шпиона из старого кинематографа. И вообще, вся эта мизансцена напоминала Инге кадры из старого итальянского фильма. Конечно, кино. Это не может быть правдой, не может быть жизнью. Вот и Глеба нет. Где же он?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.